

ЮРИЙ ПОРОЙКОВ

Юрий
Поройков

НИЧЕГО
или
ВСЁ!

От издателя

В настоящей книге представлено более 100 стихотворений о любви. Такого рода произведения и составляли, как известно, основной массив мировой лирической поэзии. Испокон веков они рассказывают об одном и том же, пытаясь понять, что же такое любовь. Задал себе этот вопрос много лет назад и наш автор в своём стихотворении «Я пришёл к муррею и спросил у него».

Полученный им ответ – «Ничего или всё!» – на обложке книги, которую ты, читатель, держишь сейчас в своих руках.

Публикуемые стихи выступают здесь если и не в качестве подтверждения данной мысли, то для убедительной демонстрации неисчерпаемости любовной темы и связанных с нею множества жизненных обстоятельств. И именно своим откровенным рассказом о самом главном и противоречивом, живущем в сердце человека чувстве, и интересна эта книга для людей, любящих поэзию.

Автор – лауреат поэтического конкурса Бунинской премии (2007г.).

ЮРИЙ ПОРОЙКОВ

Юрий
Поройков

НИЧЕГО
или
ВСЁ!

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В настоящей книге представлено более 100 стихотворений о любви. Такого рода произведения и составляли, как известно, основной массив мировой лирической поэзии. Испокон веков они рассказывают об одном и том же, пытаясь понять, что же такое любовь. Задал себе этот вопрос много лет назад и наш автор в своём стихотворении «Я пришёл к мудрецу и спросил у него».

Полученный им ответ – «Ничего или всё!» – на обложке книги, которую ты, читатель, держишь сейчас в своих руках.

Публикуемые стихи выступают здесь если и не в качестве подтверждения данной мысли, то для убедительной демонстрации неисчерпаемости любовной темы и связанных с нею множества жизненных обстоятельств. И именно своим откровенным рассказом о самом главном и противоречивом, живущем в сердце человека чувстве и интересна эта книга для людей, любящих поэзию.

Автор – лауреат поэтического конкурса Бунинской премии (2007г.).

© Юрий Поройков
© ISIA Media Verlag UG

Все права защищены. Перепечатка и другое использование текста без письменного разрешения правообладателя воспрещается.

ISBN 978-3-00-0535598

В этой книге с помощью смартфона или планшета, отсканировав QR-код, вы сможете прослушать песни на стихи автора

Наиболее распространенные программы (Apps), позволяющие распознавать QR-коды:

Apple iPhone: QR Reader for iPhone, Bakodo, AT&T CodeScanner

Android: Google Goggles, QuickMark, Barcode Scanner, QR Droid, NeoReader

Windows Mobile: QuickMark, I-Nigma

*Юрий
Поройков*

**НИЧЕГО
или
ВСЁ!**

ISIA Media Verlag UG
Germany
2016

От автора

Стихи про любовь пишут многие. Может быть, даже все. При этом каждый пишет, естественно, про свою любовь, а стихи всё равно оказываются похожими.

Очень странная какая-то особенность у этих стихов про любовь. Такое впечатление, что нам кто-то шепчет их уже готовыми на ухо. Но не все, конечно, запоминают слово в слово, а главное, не все их потом печатают. Большинство дарит их своим любимым, просто чтобы порадовать.

Думая об этом, я понял, почему так много людей начинают любить в стихах и стихами. Тут всё можно, всё дозволено: и проклинать, и плакать, и даже умирать от любви... В стихах это выглядит вполне достойно и даже воспринимается как комплимент.

Я знаю одного человека, который дарил своей любимой каждый день по стихотворению. Стихотворение за № 366 (год был високосный) завершалось такими словами:

Всё понятно до последней точки / Не взмахнуть надломленным крылом.../ Пальцами крошу сухие почки, / Как стираю память о былом.

И сразу стало ясно, что любовь кончилась. И действительно, та, которую он любил, вышла замуж за простого инженера. Оказалось, что она к стихам была вообще равнодушна, никогда их не читала, а складывала в ящик письменного стола. Инженер поначалу испугал её тем, что тоже хотел почитать свои стихи, но потом почему-то передумал и сказал прозой: «Я тебя люблю!» Вот за это она его сразу

полюбила. Подумать только! Всего три слова, и такой эффект!

Я это говорю ей не в осуждение. Просто она такой человек. А с мужем ей повезло. Он ещё немного пописал стихи, но потом бросил и не стал от этого хуже. Наоборот, она его ещё сильнее стала любить, и они даже сходили однажды вместе на поэтический вечер, где мой товарищ, к сожалению, не выступал. И это тоже было удачей, потому что он к этому времени уже стал поэтом, то есть человеком, который сделал из своих переживаний профессию, и от того характер у него сильно испортился. Она же хотела оставить его в своих воспоминаниях таким, каким он был где-то на отметке 5-го стихотворения.

Они тогда вернулись домой в хорошем настроении и пригласили меня к себе на чашку кофе. Мы, конечно, заговорили о стихах, и она достала большую толстую папку писем с перепутанными номерами страниц. Весь вечер мы читали эти стихи, и лицо у неё светилось от гордости. Мужу тоже было приятно, потому что он был мужем женщины, которой поэт посвятил столько стихов, а она всё равно его не полюбила.

Я смотрел на них обоих и думал о том, что хорошо, когда люди читают стихи про любовь. Особенно в тесном семейном кругу. И было бы ещё лучше, если бы у каждой женщины хранилась большая пачка стихов, которые когда-то писались только для неё.

У них у всех были бы такие же счастливо-задумчивые лица, как у моей знакомой.

Жаль, что этого никто, кроме её мужа и меня, не видел!

И уж совсем стало бы замечательно, если бы все мужчины начали писать стихи в основном для своих любимых, радуясь тому, что у них, любимых,

от этого будут светиться радостью лица. Даже если это произойдёт спустя много лет... Ведь, в конце концов, любимые не стареют. А стихи не становятся лучше от того, что их начинают печатать большими тиражами.

(Из книги иронических стихов «Зёрна»)

А между тем случаются просто сказочные истории.

Однажды мои повседневные размышления за письменным столом были прерваны телефонным звонком приятеля.

- Я тебя поздравляю, - сказал он.
- Ты же меня уже поздравлял, - удивился я, имея в виду только что состоявшийся поэтический конкурс Бунинской премии.
- Нет! Нет! - радостно вскричал он. - Я о другом. О твоём стихотворении «Я пришёл к мудрецу». Его назвали шедевром древней восточной поэзии.
- Так в чём проблема? - спросил я, не понимая, - не я же называл...

Показалось странным, что речь шла о едва ли не экспромтном стихотворении, 30 лет назад (!) опубликованном в изданной столичным издательством «Современник» моей книге «Лесов зелёный вздох»!

- А в том, что его, оказывается, написал не ты, а великий философ и поэт Омар Хайям, - хмыкнул приятель. - Тот самый, к которому ты приходил и спрашивал, что такое любовь. Посмотри в интернете – Омара Хайяма продукт, и всё!

- Они что, ненормальные?

- Нет, молоды и здоровы. Посмотри интернет!

Конечно, я заглянул в интернет и ужаснулся масштабам тиражирования своего поэтического опуса, возведённого в ранг шедевра. Но и сейчас,

спустя несколько лет, всё это продолжается – никому и в голову не приходит как-то исправить это недоразумение. Хотя, надо признать, сделать это не так-то просто, если возможно вообще.

Приписываемых поэту четверостиший – говорят знатоки творчества поэта – великое множество. Русских стихотворений-переводов из О.Хайяма, к примеру, сейчас более четырёх тысяч, а признаны принадлежащими его перу – примерно четыреста.

«Возможно, – считает автор интернет-блога «Музыка души», – самые лаконичные, дерзкие, остроумные и изящные четверостишия во все века приписывали именно Омару Хайяму».

Не иначе, как от безысходности всей этой девяти вековой истории, и родился такой вот совет: довериться древним и не очень древним рукописям, «...читать мудрые мысли и находить то четверостишие, на которое откликается наша душа в данный момент. А потом говорить спасибо автору (независимо от того, кто он) и переводчику» (там же).

Этот пассаж меня впечатлил.

– Ага! – возмутился я, – И стих мой оттяпали, хотя он и рядом с рубаи не ночевал, и ещё ждут, что я им спасибо за это скажу?

– Увы, иного не дано, – сказал примиряющее приятель. – Но и шедевры на улицах не валяются. Скажи спасибо самому себе и спи спокойно. Омара Хайяма не переспоришь.

Юрий Поройков

**Что-то вспомнилось вдруг
непонятное мне –
как мгновение жизни, сверкнув,
промелькнуло,
или это душа,
шевельнувшись во сне,
чтоб меня не будить,
осторожно вздохнула...**

СТИХИ-ВОСПОМИНАНИЯ

* * *

Не в том, конечно, суть, не в том,
Что происходит за окном
На тихом пятаке сугробном,
Где в одиночестве недоброму
Безмолвно корчатся дубы...

Не занимать мне у судьбы
Ни долгих лет, ни громкой славы,
И даже сладостной отравы
Не буду у неё просить –
Свою бы до конца допить –
И чашу об пол!

Но – послушай! –
Не наши ли тоскуют души,
Вновь разбежавшись по углам,
И смотрят грустно друг на друга –
Такая странная разлука,
В ней счёт не по часам – векам...

Мой малый мир –
лишь жалкий слепок
С того, который груб и терпок,
Недобр, нетерпелив, горяч,
В котором смех сменяет плач
И сохнут слёзы на ресницах,
Едва лишь прозвучат слова,
В котором может
вдруг присниться,

Как бродят ночью деревы,
И падают на землю птицы,
И в землю прячется трава,
И наши трепетные «ах»
Качают ветры на ветвях,
Покуда мрачные дубы
Их вновь не сменят на «увы»...
И понимаешь как-то вдруг,
Что на себе замкнул ты круг –
Всё, что в тебе и за окном,
Единым связано узлом.

Я пришёл к мудрецу
И спросил у него:
– Что такое любовь?-
Он сказал:
– Ничего.

– Как же так?
Ведь написано множество книг.
Вечность – пишут одни,
А другие – лишь миг.
То огнём опалит,
То растает, как снег...
Что такое любовь?

– Это всё, человек.

И тогда я взглянул ему
Прямо в лицо:
– Как тебя мне понять –
Ничего или всё?

Он сказал, усмехнувшись:
– Всё тот же ответ:
Ничего или всё.
Середины тут нет.

Да, о любви всё сказано, увы,
но только что ей от того, любви,
не признаёт подобий и родства,
присваивает все себе слова.

Не знает почка, ждущая дождей,
какая капля ей всего нужней.

Так случилось, что в электричке –
в толчее, суете, обезличке –
мы случайно столкнулись глазами:
ты красива, а я – с усами.

Ну и что?
Кто осудит строго:
Мало ль возит кого дорога –
на брюнета – десяток русых,
на усатого – сто безусых,
на весёлых – один угрюмый,
чтоб казалось, что очень умный.

Все равны мы перед дорогой –
я перед девушкой-недотрой,
ты – перед парнем с двойной макушкой,
оба мы – перед той старушкой,
что терзает нас взором хмурым –
«Эка радость и эко диво –
он с усами, она – красива,
он верзила, она – тростинка,
он – с авоськой, она – с корзинкой...»

Вот и всё. Ничего такого.
Не промолвили даже слова.

А ведь вспомнилась вдруг некстати –
на закате, о да! на закате...

Не во сне, а возникла зримо
в электричке, скользнувшей мимо.

Он любил её, когда был мальчиком,
и любил, когда стал юношой,
и любить продолжал, став мужчиной,
и женился на девушке,
похожей на неё,
как две капли воды,
но
она оказалась просто девушкой,
лишь похожей на ту,
которую он любил...

* * *

Не помню многоного
что в прошлом случалось
но помню
как тополиная ветка
подаренная тобой
пахла весной
в бутылке
с водопроводной водой

Был я молод
теперь стал стар
был я сильным
и вот устал

был любимым
и сам любил
а за что вот
уже забыл

пел тогда лишь
когда хотел
шёл за счастьем
да не успел

тем досталось
кто шёл быстрей
нет обиды
на тех людей

просто понял,
что дело в том
счастье носят
в себе самом

Им, нашедшим друг друга
в сплетенье пространств и времён,
где вселенных таких –
как песчинок в просторах Сахары,

потеряться нельзя –
коды есть и у личных имён,
и у ней есть, у этой
счастливо сложившейся пары.

Суждено им судьбою
скитаться не врозь, а вдвоём
там, где даже века –
миллионные доли секунды.

Он приник к ней,
она ли свернулась
калачиком в нём –
тайна скрыта в свечении звёзд
ослепительно скудном.

Говорить о судьбе,
райских кущах,
терновом венце?
Нет, не надо ходить
ни к попу, ни к мулле, ни к раввину!

Счастье – это когда
он находит свою половину
и находит она,
две судьбы замыкая в кольце...

О счастливом человеке

Он чужих стихов не читал,
потому что писал свои,
сколько было их – не считал,
потому что все – о любви,

о счастливой любви, о том,
что случилось в те годы с ним,
ведь любил безоглядно он,
даже зная, что не любим.

Не любила его она.
Вроде б жизнь должна – кувырком,
но любовь была, не вина,
и жила неизбывно в нём,

среди этого ничего,
иль осколков всего, увы...
Не нуждалась любовь его
в милосердии нелюбви.

То ль дурак, то ль себе сам враг?
Он смеялся – какой пустяк!
Был счастливым всю жизнь, да так,
что забыли, что он – дурак.

Чья-то правда нам не указ –
пишут разное о любви,
но читал он в тысячный раз
не чужие стихи – свои.

Канарейка

А ведь зима опять
ко мне пришла,
хотя казалось,
что проходит мимо...

Живой комочек,
искорка
тепла...

У клетки греюсь,
словно у камина.

Пожаловался богу на судьбу,
и он, как показалось, мне ответил –
быть может, пробурчал через губу,
но я того, признаться, не заметил.

А ведь сказал о главном: «Будет свет!»
И, значит, вовсе не конец – начало...
Ну, кто там говорит, что бога нет,
когда мне вдруг и сразу полегчало?

Тайное желание

Жизнь обычной была –
ни черна, ни бела,
а, скорее, смурна,
как распутица...

Потому – ни угла,
ни двора, ни кола,
переулок всего лишь,
не улица.

Всё, что было – ушло
иль быльём заросло,
если вспомнится,
тут же забудется

Говорю себе: пусть!
Ничего не боюсь,
знаю, что захочу,
то и сбудется.

Ну и что ж захотеть –
разве только суметь,
вроде бабочки сходу
окуклиться,

чтоб вернуться затем,
но не к этим, а к тем,
кто, дожив до поры той,
не скurvится.

«На тебе сошёлся клином белый свет»

Из песни

На ней сошёлся клином свет, на ней!
Ну, хороша она, нежна – не диво,
и много их – и нежных, и красивых,
и даже есть, которые нежней...

А вот сошёлся этот самый свет
на ней одной, да так сошёлся, словно
других уже и не было, и нет,
и главное – не будет, безусловно.

Мне говорят: влюблённость, как эфир –
развеется, исчезнет без сомненья...
О, как же хрупок мой огромный мир,
коль может рухнуть он в одно мгновенье!

Коль может он рассыпаться, как прах,
и не от ветра, нет, от дуновенья...
Тот не любил, кого не мучил страх
вдруг оказаться жертвой наважденья.

Тот не любил, кто каждый малый миг
не ждал беды, себя не выдав вздохом,
кто не пытался снова склеить мир,
собрав осколки жалкие по крохам...

Кто не любил... Какая ерунда!
Судить ли вправе мы, о чём не знаем?
Что свет сошёлся клином – это да,
а остальное – лишь предполагаем.

А может быть, я вправду виноват,
что старомодно по тебе тоскую,
что глаз твоих не помню,
помню – взгляд,
описывать который не рискую,

что рук не помню, помню голос твой –
он здесь, он всюду – рядом, за спиной –
то шелестнёт, как дерево листвой,
то зазвенит вдруг порванной струной,

что снова здесь я, в сумрачном саду,
где свет от фонарей – как тают льдинки,
тебя встречать я прихожу и жду,
вытаптывая свежие тропинки.

Смотрю, как снег скрывает их... потом
другому дню вернуться обещаю...
И если в чём-то виноват, то в том,
что никакой вины не ощущаю.

слушать песню

Ты рядом.
Здесь.
Всего лишь сто шагов.
Я ощущаю, кажется,
дыханье
твоё
и вижу ясно
отблеск снов
твоих –
тревожных,
как воспоминанье.

Ничтожное
такое
расстоянье...

А на судьбе
так много узелков,
накручено всего,
что не раскрутишь,

и мне всё так же
не хватает слов,
чтоб объяснить,
как мало – сто шагов,
и как их много,
если переступишь...

Какие в нашем мире чудеса?
Наверное, я человек везучий.
Бумажных копий твоего лица
я не храню, как адрес твой –
на случай.

Разъехались безадресно...
Искать?
Нет маяков на улицах столичных,
но я могу тебя перечитать
по памяти и вспомнить постранично.

Так просто обознаться на бегу
в той суете, где люди, как песчинки,
но и в толпе тебя узнать смогу
по самой свежей на лице морщинке.

С твоих берегов не доносятся вести...
О, как далеко разошлись берега!
Уже не дотянется, знаю, рука,
и мост не построить на брошенном месте.

Река, словно море, лежит между нами,
и падает камнем призыв в глубину,
и нет челнока переплыть быстрину,
к любимым глазам прикоснуться глазами.

Но я не об этом пишу, ведь, по чести,
всего лишь одна здесь правдива строка –
«С твоих берегов не доносятся вести».
С твоих берегов не доносятся вести?

Какие уж тут, у ручья, берега...

Любимая уходит...
Не могу остановить
естественной развязки.
Ведь это только в старой
доброй сказке
цветы вдруг расцветают
на снегу,
ведь это только
в песенных строках
живут разлука и любовь,
как сёстры...
Уходит мир – и радостный
и пёстрый,
и горечь проступает на губах.
Уходит мир – и никаких
надежд...
Я не кричу.
Кто голос мой услышит?
С тоской смотрю,
как тает снег на крышах,
еще вчера
надёжен,
крепок,
свеж...

Гороскоп

Прости, что я
опять завёл тебя
в чужую ночь.
Она как лес дремучий!
И вот уже бросает
взгляд колючий
на нас с тобой
Медведица – судьба.

И под прицелом
хмурого Стрельца –
что сторожит он
столь неукротимо? –
Вдруг сходят краски
с твоего лица,
сползают с моего
остатки грима...

С насмешкой наблюдают
Близнецы,
как, спотыкаясь,
мы в потёмках бродим,
где сходства нет,
там сходство мы находим,
и счастливы.
Да ждут уже Весы...

Прости меня.
Коварен Млечный путь!
Весы не врут,
Нет, не сравнялись чаши,
как день сегодняшний
и день вчерашний,
две наши жизни
не сошлись чуть-чуть...

Зачем вспоминать то,
что было?
Вспоминаю то,
что могло бы быть.

Хожу по городу,
в котором никогда не был.
Странный город –
люди в нём на одно лицо –
они все похожи на тебя...

«Девушка, скажите, пожалуйста,
который час?»
Сколько раз я повторил эту фразу,
бродя по городу?

С неё началось то,
что могло бы быть.

У меня богатое прошлое,
но зачем мне
одному столько?
Готов обменять его
на неизвестное будущее.

Надо же, какая длинная очередь!
– Гражданин, вы зря стоите,
вам уже не положено...
– Но я же стою в самом конце,
может, достанется?
– Нет, нет, нет!
Ваше время давно прошло,
посмотрите на свои часы...

Действительно, на моих часах
выпали стрелки...

Учусь измерять время расстоянием.
Сколько километров, например,
до мечты?

Мы смотрим с тобой
на одну и ту же звезду,
находясь на разных концах планеты.

Каждый день пишется миллиард писем,
сегодня их будет на одно больше.
Такое ощущение, что пишу марсианке –
сколько тысяч лет придётся ждать ответа?

Я подожду.

Я говорю:
Освоен материк.
Покой не нужен –
места нет для странствий,
и время,
покорённое пространством,
уже, как прежде,
не торопит миг.

...Ты говоришь:
Тоски бесстрастен лик –
не подружиться с ней
и не расстаться,
и легче нам
влюблёнными казаться,
чем уколоться
о призывный крик.

...Я говорю:
Совсем другой язык
теперь у нас,
и всё в словах иное,
и даже зелье
выдохлось хмельное.
но не сужу и не ищу улик.

Я говорю...
Ты говоришь...
Потом – ты говоришь, и я.
Всё, как в начале.

И дело в том,
что вовсе не о том
мы говорим,
уж лучше бы молчали.

Луна к стеклу прильнула белой птицей,
качнулась ветка, сердце холода,
по клавишам остывшей черепицы
скользнули пальцы летнего дождя.

Лишь миг один – и сосны отзовутся
натянутыми струнами стволов...
В такую ночь приходят, чтоб вернуться,
и всё понять, и всё простить без слов.

В такую ночь не только мне не спится,
о, сколько нас в такую ночь без сна,
хотя на крышах просто черепица
и просто дождь, и просто тишина.

слушать песню

Мы побывали в сказке той,
где ни конца нет, ни начала,
и ночь нас радостно встречала
своей звенящей тишиной,

своей загадочной тропой,
что под ногами исчезала...
Она, как сводница, вязала
мою судьбу с твоей судьбой,

манила странною звездой,
зажжённой впереди, над нами –
чуть-чуть – дотронешься руками,
чуть-чуть – коснёшься головой,
и обернётся снег травой...

Чуть-чуть...
О, как неосторожно,
поверить в то, что всё возможно
в лесу, где пахнет синевой,
где всё залито тишиной,
где все концы и все начала
злорадно ночь перемешала...

Мы побывали в сказке той.

Утренняя песенка

Течёт задумчиво река
плывут и тают облака
блестит загадочно роса
твои в ней прячутся глаза

мы ждём от жизни радостного чуда
мы с этим ожиданьем родились
а рядом удивительное утро
а рядом неразгаданная жизнь

в полнеба песенный разлив
и ставший песней тот мотив
звучат заветные слова –
трава их шепчет и листва

и птичий хор звучит опять –
в полнеба нотная тетрадь
свернулись в сказочный клубок
начала и концы дорог

А я брожу по улицам,
шепчу себе стихи.
Толпа вокруг, но улицы
загадочно тихи.

Разматываю дум своих
запутанный клубок,
и тень моя неверная
всё крутится у ног.

То убежит стремительно –
и взглядом не достать,
то под каблук уляжется –
как хочет танцевать,

то рядом, благочинная,
идёт – не подступись!
То под колёса транспорта
свою бросает жизнь...

А я брожу по улицам,
шепчу себе стихи.
Толпа вокруг,
но улицы
по-прежнему тихи.

Что из того, что тень моя
теряется в толпе?
Вернётся, безотвязная,
как думы о тебе.

слушать песню

Ты первая сказала –
мы не те,
как будто вдруг
открыла мир
подобий.
Ты – добрая, я знаю.
Я недобрый.
Блуждаю, как и прежде,
в темноте.

Блуждаю, как и прежде,
в темноте,
где всё привычно –
старые пороги,
смешные боги,
ложивые пророки...
Я не боюсь признаться
в слепоте.

Я не боюсь
признаться
в слепоте,
чтоб не смотреть,
как ты проходишь
МИМО,
чтоб не сказать,
как ты,
невозвратимо,
что мы не те,
давно уже не те.

О, зверь когтистый,
что ты душу рвёшь,
ни днём, ни ночью
не даёшь покоя?
Хотя б придумал
что-нибудь другое –
и боль моя,
и месть твоя –
всё ложь.

О, зверь когтистый,
спрятавший свой лик,
ты и живёшь до той поры,
покуда
в моей душе
туманный отблеск
чуда –
иной души
запечатлённый
миг...

Однажды в Доме отдыха

А было так:

Был поздний вечер,
и мы, сидящие вдвоём,
смотрели, как сгорали свечи
над полуправдничным столом,

и где-то музыка играла,
но что нам музыка, когда
душа уже не танцевала,
как разучилась навсегда.

Сидим.

Своё перебираем.
Беседы прихотлива нить.
Нам хорошо.
Мы не скучаем,
Нам есть о чём поговорить.

И вдруг...

О, сказочное слово,
затёртое...
Где взять новей?
Она
в дверях возникла,
словно
и вовсе не было дверей.

Она вошла.

Она взглянула,
и словно лёгким ветерком
по нашей комнате скользнула,
задела каждого тайком.

Принцесса?
Фея?
Что сравненья?
Пожалуй, лучшая из фраз –
«Как мимолётное виденье...» –
и та придумана до нас.

И вот уж нет её.
Как будто
вдруг растворилась в пустоте.
Как будто кто-то спрятал утро –
едва блеснуло – в темноте.

Была иль нет?
Тихи и строги,
молчим вдвоём порой ночной...
Какие странные дороги
нас сводят с юностью чужой!

Мы фею сказке возвращаем.
Всё понимаем.
Только жаль,
что мы так тонко понимаем
свою нескромную печаль.

* * *

Есть заповедная страна,
никто не знает, где она,
но тот, кто верил и любил,
по тропкам сказочным бродил.

Есть заповедная страна,
пусть заколдована она,
но кто надеялся и ждал
в той стороне не раз бывал.

Есть заповедная страна,
в которой вечная весна,
где даль прозрачна и светла,
и две любви, как два крыла.

Давай с тобой, хотя б на миг,
вернёмся в сказку для двоих.
Давай вернёмся, чтоб опять
с начала самого начать.

Загадай желанье сокровенное,
в эту ночь мне чудо по плечу,
хочешь, я вокруг тебя Вселенную
каруселью звёздной заверчу?

Пожелай, и это поле снежное
я в цветник весенний превращу,
отвратить сумею неизбежное,
то, что потеряла, отыщу.

Загадай. Исполню всё до малости,
только об одном тебя прошу:
Не грусти – пока со мной – пожалуйста,
я потом сторицей отгрущу.

слушать песню

Ожидание

Утро в окно заглядывает.
Звуки, как бисер, нижутся.
Что-то звонок запаздывает,
что-то стихи не пишутся.

Солнце в окно заглядывает.
Тени плывут, колышутся.
Что-то письмо запаздывает,
что-то стихи не пишутся.

Вечер в окно заглядывает.
Грустная песня слышится.
Всё, что я жду, запаздывает,
всё, что пишу, не пишется.

Звёзды в окно заглядывают –
Как, мол, тебе тут дышится?
Да так, говорю, запаздывают,
да так, говорю, не пишется.

Помолчим

Из репертуара Эдиты Пьехи

Помолчим, давай помолчим,
Здесь, у самого порога—
Нас рассудит теперь дорога,
нас рассудит теперь дорога.
Ну, пожалуйста, помолчим.

Что обиды свои считать,
знаю, время пришло прощанья,
что ты скажешь мне на прощанье,
что могу я тебе сказать?

Невезучей всегда была,
потому и жила несмело,
быть счастливою не умела,
стать удачливой не смогла.

Ты умеешь в глазах читать,
я в молчании откровенна:
торопилась любить, наверно,
не успела любимой стать.

слушать песню

Всё по-прежнему

Осень та же.
Звёзды те же,
Мерцают так же.
Тот же лунный
тревожный свет.
Та же горечь
от сигарет.

Всё по-прежнему.
Та же зависть
к сохранившим
в разлуке
завязь
новых «да»
и не новых «нет» –
горьких радостей,
сладких бед.

Всё по-прежнему.
Вновь приснилось –
тени тихо соединились...
Нераскрытый тобой
конверт...
Одинокий от дома след...

слушать песню

Ландыши

– Какое чудо! – говорила мама. – Какая красота!

Как изменилась к лучшему наша жизнь,
Как красиво мы начали жить! –
Она с восхищением разглядывала букеты –
цветы были без запаха, но южных царских
кровей.

– Какие деньги потрачены! – вздыхала
бабушка. –

В наше время мы были практичнее...
И лишь пapa ничего не говорил –
он читал вечернюю газету, далёкий от быта.

Женщины принялись устраивать цветы
на ночлег.

Розы были отправлены купаться
в прохладной воде...

Гвоздики отделены он нарциссов –
всем достались хрустальные вазы...
И когда в квартире погасли огни,
девочка тихо прокралась на кухню
и взяла с подоконника букетик завядших
ландышей –

о них, конечно, забыли...

И ландыши вскоре расправились
в гранёном стакане.

– Какой удивительно знакомый запах, –
сказала мама.

– Да, – откликнулся пapa, –
он мне тоже многое напоминает.

– Всё-таки очень интересно, –
сказала мама, –
кто принёс эти удивительные розы?
– Какое это имеет значение? –
рассердился пapa. –
Просто цветы. Подарок. Красиво, и всё.
– Ты ничего не понимаешь, –
возразила мама, –
сейчас ничего не бывает просто.
Знаешь, сколько стоит сегодня
такая красота?

Но пapa, не отвечая, вдруг засмеялся.
– Ты что? – удивилась мама.
– Да ведь это ландыши, – сказал он. –
Как же я не узнал сразу?
– Да? – переспросила мама и тоже
обрадовалась. –
Конечно, ландыши!
И они снова замолчали, вспоминая.
Это были цветы их первого свидания.
– Значит, так, – сказала грустно мама, –
значит, пора...
– Да, – задумчиво отозвался пapa, –
шестнадцать лет...

● маме

Опадают годы, словно листья,
им теперь не зеленеть уже...
Сколько разных мы открыли истин,
сколько их, нетронутых, в душе.

Посылали письма, телеграммы,
не спеша на отчий свой порог,
обижаться не умели мамы,
всё о нас читая между строк.

Горький вкус у поздних сожалений,
счёт обид и радостей иной.
Опоздали вроде на мгновенье,
да мгновенье это – в жизнь длиной.

Что к чему поймём, конечно, сами,
но как будет не хватать в тот час,
мам, что смотрят вечными глазами
с пожелтевших карточек на нас.

слушать песню

Где верх, где низ?
Но это – Вечность,
там всё равно – что верх, что низ,
и в омут времени конечный
течёт рекой людская жизнь.

Царит там чёрное безмолвье,
лишь тени, видные едва...
Склонилась мама к изголовью,
но не расслышал я слова,

не разглядел лица, как будто,
смотрел не сквозь, а вдоль стекла,
и счастья горькая минута,
сквозь сердце в землю утекла...

Мадонна

Так случилось:
сама Мадонна
вдруг спустилась ко мне с холста.
Опрокинутые ладони –
словно иловых два листа.

Ах, какие глаза!
Немею –
холодна и, как снег, чиста...
На колени встать перед нею
или прыгнуть сейчас с моста,

Как когда-то, в былые годы?
Я в растерянности мечусь.
Жаль, что вышла давно из моды
обнажённость такая чувств.

Вот слова... В них моё спасенье! –
Как-никак, ремесло моё.
Я – изысканнейшие сравненья
бескорыстно! к ногам! её!

Даже слушать не захотела,
усмехнулась, кивнув едва:
«Три столетия пролетело,
А всё те же – смешно! – слова...»

И моргнуть не успел – исчезла.
И с немеркнувшего холста
вновь над миром моим железным
недоступная красота
замерцала.

И вновь Мадонна
и таинственна, и грустна...
Опрокинутые ладони –
листья с ивового куста.

Размышляю о том неспешно:
«Набежала здесь неспроста
человеческая усмешка
на божественные уста».

Что гадать? Знать, была причина –
Не какой-нибудь там пустяк! –
И художник не бог – мужчина,
тоже, может, сказал не так...

Маленький ключик от рая

Элегическое

С чем сравнить мне тебя?
Вот, к примеру, весенний росток.
Вот расцвёл на заснеженном поле,
Как чудо, цветок.

Вот ручей –
Серебристою лентой срывается с круч.
Вот берёза.
Вот солнечный вырвался луч из-за туч...

Нет, не то.
Это всё, говорят, уже было не раз
У поэтов других.
Заштампованны тысячи фраз.

Ну да ладно,
Бог с ними.
Ни их, ни себя не виню.
И со мною бывает –
На тропку чужую сверну,

И хоть знаю, наивный,
Что именно здесь – толчея,
Всё же лезу – а как же!?! –
Ведь эта берёза – ничья?

Паутинка снежинкою летней
В заснувшем лесу?
Синий звон стрекозы,
Уронившей с травинки росу?

Всё – ничье.
Я беру,
И другие отсюда ж берут.
Обещают сторицей вернуть.
Только разве вернут?

О, природа щедра!
Столько красок – бери по душе.
Многовато нас, видно.
На всех не хватает уже.

...Ты, любимая, мера всего.
Этим чувством живу.
То, что вижу вокруг,
Чем владею –
Во сне, наяву –
Проверяю тобой.
По тебе ли я взял высоту?

Говорят – красота,
Примеряю к тебе красоту.
Утверждают, что чудо –
Ревниво смотрю на тебя.
На судьбу намекают –
Зачем мне иная судьба?
Если боль...
Что она мне
В сравнении с болью твоей?

Ты, любимая, мера всего –
И вещей, и людей,
И того, что во мне,
И того, что я вижу окрест.

Ты – мой жребий счастливый
И мой искупительный крест.

Не сравнима ни с чем.
Что, природа, подсказки твои?
Не учусь я любить.
Научиться бы петь
О любви
Так, как чувствую я,
Как другому уже не суметь.

Вот пропеть бы,
И всё.
И не страшно потом
Умереть.

* * *

За кустами двое тихо целовались,
ничего вокруг себя не замечали,
три старушки на скамейке возмущались,
в полный голос, чтоб услышали, ворчали:

«Это ж надо, до чего пораспускались!
Столько времени прошло, а не устали,
в наше время, если мы и целовались, –
зная меру и не прячась за кустами».

«Что ты, матушка! – другая тут вмешалась, –
мы бы сроду не пошли с таким повесой.
Я, к примеру, первый раз поцеловалась
с разрешения родителей – невестой».

«Чепуха всё это! – третья засмеялась.
Повела плечом, как будто молодица, –
Показать бы им, как раньше целовалась,
я была по этой части мастерица!»

Три старушки на скамейке возмущались,
ничего вокруг себя не замечали –
вспоминали, как когда-то целовались,
Ну, а двое те сидели и молчали...

Ах, слова,
до чего ж легки!
Соглашаюсь,
с поэтом споря:
Люди – реки?
Да, две реки,
что впадают
в два
разных моря.

Двое
встретились –
разошлись,
хоть причины нет
для раскола.
И вот то,
что для них –
жизнь,
для других –
просто
два глагола.

Ну а чёрточка –
это как?
Не разъяла –
соединила!

В общем –
мелочь.
Ничто. Пустяк.
Жизнь,
которую
прищемило.

Вдруг день померк,
и мы
бочком
из леса –
так не мило!
А ведь
всего-то
облачком
нам
солнце
затенило.

Случайное сравнение
и всё же
пригодилось:
Всего
одно
мгновение,
а нет
любви –
разбилась!

И от чего?
Ни от чего! –
Вдруг стало всё
не мило,
зажмурилась
на миг всего
и не туда
ступила...

Что из того, что было,
Если важней, что станет.
Коль уплыло – уплыло,
Ну, а плывёт – пристанет.

К берегу ли, к причалам,
К лодкам чужим, случайным...
Знаю – мои начала
Ткутся из окончаний.

Нитей, что размотала
Жизнь – как клубок из буден.
Что из того – бывало,
Если важней, что будет?

Ты ли наобещала,
Я ли?
Не в этом дело.
Важно, что есть начала,
Важно, что нет предела.

Ну, вот и всё.
Мы подошли к черте
и соблюдаем
правила приличья:
– Пиши...
– Пиши...
Существенно ль различье?
А ведь слова
и те же,
и не те.

Ещё тепло руки хранит рука,
в глазах ещё не смыто отраженье,
но мы уже
признали пораженье –
совсем простишись –
мысленно пока.

Отпущенный нам миг не пережив
так, как могли когда-то, как умели,
и вдруг, здесь, у черты, разбогатели,
разлуке то мгновенье подарив?!

Когда-нибудь,
когда-нибудь,
когда
нас навестят бесплодные сомненья,
мы о мгновенье вспомним том –
мгновенье,
которое разводит навсегда.

Читая Экзюпери

Это было давно.
Но случилось же –
встретились люди,
словно два мотылька
над неярко горящей свечой...

Где ж вы были тогда,
беспристрастные грозные
судьи?

Чем сегодня платить?
У меня ни гроша
за душой.

Ничего не осталось,
давно уже всё растащили.
И душа, хоть на месте,
а кажется, будто в бегах.
Так уж в мире ведётся –
по совести
вроде бы жили
и грешили чуть-чуть,
а по горло завязли
в грехах.

Забываетесь всё –
и слова, и знакомые лица.
Узнаёшь, а читаешь
как будто с пустого листа.
И уходит любовь

с беспощадной улыбкою
принца,
плачут лис приручённый,
не пряча от судей лица.

Так, наверное, было,
но я не виню в том кого-то.
Было с нами такое
и будет с другими не раз.
Пусть откроется истина вновь,
как открылась пилоту:
«Хорошо видишь сердцем
ведь главное скрыто от глаз».

Зачем нужны нам сказки:
Знать бы,
какие силы нас влекут
на эти сказочные свадьбы,
где мёды по усам текут,

где путь победный выбирая,
уверен можешь быть всегда:
на случай есть вода живая
и мёртвая там есть вода.

И как бы ты себя не строжил,
как не хитрил бы –
 тот же счёт:
бывать тебе на свадьбе всё же,
где мимо рта прольётся мёд

и по усам твоим...
Известно,
как говорится, наперёд
тому, кто эти сказки детства
взьмёт и заново прочтёт,

чтоб убедиться –
и поныне
горит в тех сказках
добрый свет...

Вот только в жизни,
как в пустыне,
где что-то есть,
но чаще – нет.

Испанский этюд

А ночь наползает на город с вершин,
с собою пустынность его наполняя,
и бегают кошки по крышам машин,
как будто по клавишам чудо-рояля.

О, дивная ночь, отпугнувшая мглу,
и та, откупившись последней звездою,
заснула, должно быть, на том берегу,
где делится горе удачей с бедою,

где помнится всё и всегда наугад
сбывается, коль суждено, непременно,
и только судьбы настороженный взгляд
напомнит о том, что грядут перемены,

о том, что для радости много причин,
и в каждой есть маленький ключик от рая.
Совсем не случайно здесь крыши машин
похожи на клавиши чудо-рояля.

Уже всё было,
надо ль ждать другого?
Всё повторится вновь
со сменой дней,
и каждое –
из прозвучавших! –
слово
не станет ни обидней,
ни новей.

Всё будет,
как и раньше,
вперемежку,
хотя опять,
почти наверняка,
предложит жизнь
тебе
как бы в насмешку
сыграть с ней
в подкидного
дурaka,

или заманит
на сеанс в рулетку,
чтоб отличить,
что есть добро,
что – зло,
и, подсказав
удачливую клетку,
подсунет
неизбежное
зоро.

Что ни день, то беда...
Я открыл ворота –
лезут так,
что едва и вмешаются.
В доме сплошь суeta,
потому что сюда
даже те, что ушли,
возвращаются...

По душе, видно, кров!
Я смотрю на улов –
сколько бед набралось здесь
по случаю.
Коли так, то без слов
задвигаю засов –
пусть меня одного
они мучают.

Как-нибудь продержусь –
только робким кажусь,
терпеливым я был,
как мне кажется.
Подбирается грусть –
пусть грызёт меня, пусть,
но зато уж к другим
не привяжется.

Вот подкралась хула,
словно сажа, бела,
ну, макай меня в грязь,
если нравится...
Ты меня не жалей,
что имеешь, то лей,

больше выльешь –
другим не достанется.

Ревность, вправду,
как волк –
что не зуб, то – зубок.
Ничего, потерплю,
пусть кусается.
От меня что за прок –
никуда за порог,
но зато кто-то где-то
не мается.

Это что же за зверь?
Новых много теперь...
Жаль, во сне лишь такое
мерещилось.
Но гвоздями ту дверь
я забил бы, поверь,
если б бед хоть на четверть
уменьшилось.

И ничего ещё не сказано.
Что говорить и что рассказывать,
когда едва-едва завязано –
всё предстоит ещё завязывать.

Улыбка, взгляд?
О, дело тёмное! –
Намёк? Кокетство? Безразличие?
В глаза смотрели – не запомнили
и улыбались – из приличия.

И рук тревожное касание,
хотя всего-то обещание
унылого, как дождь, свидания,
угрюмого, как ночь, прощания.

Не распознать...
И всё же, всё-таки
живёт в нас нечто потаённое –
как бы часы:
В одних – как ходики,
в других сложнее – электронные.

И ничего ещё не сказано –
лишь собираешься рассказывать,
а всё уже давно завязано,
да так, что незачем развязывать.

Я устал,
Я устал,
Я устал,
Я устал!
Даже видеть во сне
Я тебя перестал.
Потому ли, что так
Неумело любил?

Я устал от того,
Что тебя не забыл.

Я устал ожидать
Твоих редких звонков.
Я устал от своих
Бесполезных стихов.
Может быть, потому,
Что не есть я, а был?

Я устал от того,
Что тебя не забыл.

Я устал повторять,
Как молитву, слова:
Ты права,
Ты права,
Ты права,
Ты права!
Что накоплено, может,
Пора и в распыл?

Я устал от того,
Что тебя не забыл.

Я устал,
Я устал –
Вот какая беда!
Нету слов беспощаднее,
Чем «никогда» –
Из души потащил –
Только крепче забил...

Может быть, потому
Я тебя не забыл?

слушать песню

Ты летаешь, тебе дано.
Как прекрасна в полёте птица!
Мне же в тень твою превратиться
было, видимо, суждено.

Ты стремительна и дерзка,
что преграды тебе земные –
тот обрыв и вон та река,
и конструкции те стальные?

Ну а я? Если б знала ты,
как, тоскующий неизбывно,
я срываюсь со всех обрывов,
ударяюсь о все мосты,

как по окнам с размаху бью
и детей невзначай пугаю...
Но считается – я летаю,
и летать, как и ты, люблю...

* * *

Обещана мне жизнь совсем другая –
без колебанья отдаётся мне,
чтоб я, судьбой чужой располагая,
свою подправил, ясную вполне.

Как отказаться?
Но однажды ночью
проснусь от острой правды-холодка:
зачем ты мне,
бездонный мой источник,
мне, в общем-то,
достаточно
глотка...

* * *

Дорога. Тропка. Старая лыжня...
А кажется, что лес необитаем,
и сосны мрачно смотрят на меня,
как будто недовольны, что гуляем

мы здесь, в лесу, который час вдвоём,
уденившись не случайно вроде,
и ничего – лишь бродим, бродим, бродим
и философствуем о том, о сём.

Когда ж сюжет я развернул иной,
всё разъяснив и всё связав, как надо,
вдруг скрипнуло внезапно за спиной –
зубами так скрепят, когда досадно.

Я обернулся. Подошёл к сосне,
что над сугробом – в странной позе мима...
Посышалось, должно быть, в тишине:
«Ну, поцелуй же девушку, дубина!»

Но завершил я мысль, сказав – ясна
природы мне научная картина...
И тут другая, большая, сосна,
меня ушатом снега окатила,

Глаза поднял я и услышал вдруг
уже знакомый голос, но сердитый:
«О, чёрт возьми, как жаль, что нету рук,
чтоб по затылку треснуть эрудита!».

Вот окна –
прозрачны.
И двери открыты –
а вдруг ты вернёшься,
остыв от обиды?

Но тихо за дверью,
как вымер весь дом...

Сидит воробей за закрытым окном.

Конечно, есть выход –
не в двери, так в окна!
Тебе не сумел рассказать я
о стольком.
В том месте, где ты постояла, –
светло...

Ударился шмель головой о стекло.

И можно сквозь стены.
С разбегу, конечно.
Вернись.
Я иначе могу и навечно.
Молчит телефон.
Ни звонка – хоть разбей!

Без памяти шмель. Рядом с ним – воробей.

Фантазии, право.
Ведь двери открыты.
И вот ты вернулась,
остыв от обиды.
«Как жаль, – говорю, –
разглядеть не успел:

Склевали шмеля или он улетел?»

Уже не вернуться,
хоть память жива –
должно быть,
сидит
в уголке на диване
и греет
в ладошках
пустышки-слова,
забытые здесь
на последнем свиданье.

А ведь и нужна лишь
толика тепла,
чтоб два ручейка
не терялись
в потоке,
но
гибнут
секунды
под гнётом стекла,
конечность всего
подтверждая
в итоге.

Что и взять с любви,
когда она – пуглива!
Ходит прямо,
а всем кажется,
что – криво.

Уклониться от беды? –
Не уклонится.
Заслониться от тоски? –
Не заслонится.

И горит-то,
словно лампа
вполнакала,
беззащитна и робка,
а напугала...

А в общем, простое,
обычное, в общем-то, дело –
души домогаюсь,
лаская послушное тело,
и плоть торжествует,
постигнуть души не умея,
душа открывается вдруг –
отступаю, немея...

И вновь возвращаюсь,
врываюсь в закрытые двери –
сама поманила,
сама же смущила доверьем!
Увы, ускользнула...
Не там ли – звездой в облаках?
Шепчу – недоступна!
И плачу – ожог на руках!

Пустое качанье –
невидимый глазу размах.
Сны былью становятся,
быль растворяется в снах.
Костры увядают,
лишь пепел один да зола,
и я зачерпнул полной горстью
остывшего зла,
чтоб тоже бежать от постыдной,
как страх, доброты,
от жгучего света
в спасительный храм темноты,

где равно беспомощны оба –
герой и злодей,

бесплотною тенью метаться
средь тенелюдей...

Смотрю, словно в зеркало,
в чьё-то чужое чело,
но зло не способно добро отражать –
только зло!

И ты поверил в то,
что не успел?
Не изменить уже того,
что стало?
Ты разгляди
возможного предел,
а после –
невозможного начала.

Пусть утверждают –
заколдован круг:
Как ни ходи –
исход давно известен.
А ты шагни
через «авось» и «вдруг».
Везёт не тем,
кто топчется на месте.

Пока он есть –
единственный твой шанс.
Пускай последний даже –
эка штука!
Ты лишь шагни.
Что из того, что шаг
всего один?
Ты вырвался из круга.

По крайней мере, сделал,
что хотел.
Но всё же этого
чертовски мало!
Да, ты узнал
возможного предел,
но где же
невозможного начала?

К дождю ли,
к снегу
эти облака –
они о том
не ведают и сами.
Сладка любовь твоя
или горька –
одними омывается слезами.

Любовь не скажет,
ну, а спросит кто,
когда она ушла
и всё простила.
Была любовь,
спасибо ей за то –
хотя б за то,
что просто посетила.

Ушла любовь.
В том не её вина.
Мне жаль людей,
которым недостало,
не знающих,
как сладостна она
и как горька,
когда её не стало...

Пушистым снегом,
тёплым ли дождем
те облака
осыпятся-прольются?
Земля, должно,
не ведает о том,
поскольку ей
не страшно обмануться.

Шутливое

Говорят, у влюблённых
словарный запас попугая –
не найдёшь и десятка
нестёршихся слов,
потому я,
штампованных слов избегая,
объясниться с любимой решился
посредством стихов.

– Что ж, стихи как стихи... –
отложила с улыбкой их, словно
не касались её
вдохновенные эти слова.
– Не сердись, – попросила, –
наверное, я не права,
но о чём это все?
Не пойму ни единого слова...

Я печально соскрёб
позолоту сравнений,
не без боли разрушил
метафор и образов строй
(а ведь мог бы сказать,
сколько чудных мгновений
испытал,
заменив многоточье
простой запятой!).

Очищая стихи
под её неусыпным надзором,
с удивлением видел –
и вправду слова что вода...
Через миг
под туманным словесным
узором

**проступила бесстыдно
листка нагота...**

**– Ты права, – я сказал,
про себя чертыхаясь, –
остальные стихи,
что тебе посвятил я,
спалю...**

**– Напиши мне, – сказала она,
улыбаясь,**

**– Очень старое,
глупое,
нужное слово
«люблю».**

Словно создана для показа!
Чёрный локон у чёрных глаз...
Я сравнил бы их блеск с алмазом,
Если чёрный где есть алмаз.

И хитра до чего ж, плутовка, –
Вот взглянула как будто вскользь,
А тебе и вздохнуть неловко,
Словно высвечен ты насквозь,

Словно то, что сказать надумал,
Ей известно давно уже.
Но я, к счастью, из тугодумов –
Мне молчание по душе.

Ну, сидим, ну, молчим о разном
За богатым, большим столом.
Это что же, скажи, за праздник,
Если он пополам с грехом?

Если шутки лихие мимо? –
Хлам какой-то, словесный бой,
И застолье, как пантомима,
Что разыгрывается судьбой?

И такая ещё вот штука:
Муж красавицы, чуть хмельной,
Вроде занят, а сам вполуха
И вполглаза следит за мной.

И оставил бы драгоценность
Без присмотра, да ведь сопрут!

Знает слухаю, видно, цену,
Сам украл бы – чего уж тут!

И не выдержал – смерил взглядом,
Настороженным, как прицел:
Дескать, искры летают рядом,
Как бы кто-нибудь не сгорел...

Я не спорю с тобой, дружище.
Прав, конечно, не я, а ты.
Пахнут будущим пепелищем
Даже праведные костры...

Утром вижу – был ночью снег,
а по снегу цепочкой след.
Понимаю – то человек
Здесь прошёл и оставил след.

Ну и что из того теперь,
Разве мало таких следов?
Но вот стал же воздух теплей
над цепочкой твоих следов...

Метель

А ночью вновь она была,
и вместе с ней – лихая свита.
Метель, косматая и бела,
то дверь мою с крючка рвала,
то, прислоняясь к стеклу, звала
меня насмешливо-сердито,
то, в поле отбежав, ждала,
то, забываясь деловито
вокруг себя снега мела
и, заметая след, лгала,

Она ушла...
И вновь легла
на белый снег ночная мгла...
А где-то там, лесами скрыта,
сложив пушистых два крыла,
метель, как девочка, спала.

О, если б не было стекла,
О, если б дверь была открыта!

Настроение

На улице погода
переменная,
зато привычна,
словно
твой каприз.
И ты совсем
уже обыкновенная,
и я уже
давным-давно
не принц.

Звенит былое
жалкими осколками,
и жизнь иных
сюрпризов не сулит –
как парашют
с оборванными стропами:
уже не держит,
но ещё – летит...

А что кончается, то кончится,
в том нет совсем ничьей вины,
и будет снова одиночество
прясть паутинку тишины...

Но может быть иным пророчество,
ведь что ты там ни говори,
а входит в сердце одиночество,
как в гавань входят корабли.

И в жизни нашей нескончаемой
случится так – каким-то днём
ты вдруг в меня вплывёшь отчаянно
вслед за последним кораблём.

Забудь обо всём

Не сожалею о былом:
Всё здесь – со мною и во мне,
и эта улица, и дом,
и тихий свет в твоём окне.

Всё здесь – со мною и во мне,
мгновенья каждого черёд,
всё, что случилось на земле
и что ещё произойдет.

И эта улица, и дом,
где случай нас столкнул с тобой,
и всё, что сделалось потом,
и стало жизнью и судьбой.

И тихий свет в твоём окне,
какая вроде б радость в нём?
А в том, что светит только мне,
и в том, что ты за тем окном.

И только в той, а не в другой
ничтожной малости какой
и смысл, и радость, и покой.
Всё остальное за чертой.

Всё остальное за чертой
судьбы отмеренной земной
не одному мне, а – с тобой,
и не одной тебе – со мной.

слушать песню

Откровение

Не обманись в огне,
там, вдалеке, горящем.
Не обмани огонь,
его в ладони взяв.

Сегодняшним ли быть,
а может быть, вчерашним...
Но кто тебе сказал –
быть завтрашним – нельзя?

Не обманись в любви,
внезапно поманившей.
Не обмани любовь,
неверьем загася.

Ненужным можно стать,
обидней – если лишним.
А кто сказал, что быть
Единственным нельзя?

Не обманись в друзьях,
живущих в отдаленье.
Не обмани друзей –
теряются друзья.

Наверно, проще жить
без горестных сомнений.
А кто сказал, что жить,
как хочется, нельзя?

Не обманись в мечте,
доселе недоступной.

Не обмани мечту,
достичь её грозя.

Не делал людям зла,
и значит – неподсудный?
А кто сказал – судить
своим судом нельзя?

Огонь,
Любовь,
Друзья...
Всего не перечислишь!
Они всегда с тобой
и, видимо, не зря.

Они ли от тебя,
от них ли ты зависишь –
как жаль, переспросить
у Вечности нельзя.

К чему я это всё?
Должно быть, откровенья
у каждого свои
и в свой приходят час.

Для жизни нам даны
эпохи и мгновенья,
а Вечность – та пора,
которая без нас.

Бабочка

О стекло билась большая красная бабочка.
Она трепыхалась, как пламя свечи на ветру...
– Ой! – вскрикнула девочка, – что это такое?
– Это бабочка, – сказал я, –
первая весенняя бабочка.

– Давай выпустим её, –
сказала девочка, – пусть летает.

– Конечно, – согласился я, –
но для этого её надо поймать.
Я встал на стул и стал ловить бабочку.

Это было непросто –
я боялся помять ей крылья.

– Подожди, – сказала девочка,
когда я накрыл бабочку ладонью.
Не дыша, она вынула её
из моих стиснутых пальцев.

– Ты сделал ей больно, –
сказала девочка укоризненно.
– Ничего, – успокоил я, –
сейчас мы выпустим её на волю.

Бабочка лежала на детской ладошке боком,
уронив крылья.
– Она похожа на маленький парусник, –
сказал я.
– Нет, – возразила девочка, –
она похожа на трамвайный билетик.

– Пусть будет так, – засмеялся я, –
но давай её выпустим.

– Возьми её у меня! –
девочка протянула мне свой кулечок.
Бабочка шевельнула крылышками,
и она испуганно сжала пальцы...

Теперь уже я стал вытаскивать бабочку
из её стиснутых пальцев.
Вдруг девочка отдернула руку,
и бабочка упала на пол.

– Фу! – сказала девочка
и сдунула с ладошки розовую пыльцу.
– Ну вот, – сказал я огорчённо. –
Мы её совсем замучили.
– Гадость! – сказала девочка. –
Вот какая это гадость – твоя бабочка!

– Не переживай, – сказал я. –
Сейчас мы вымоем руки, только и всего.

Мы так и сделали и пошли гулять.
Конечно, мы сразу же забыли о бабочке.
Но когда вернулись домой,
девочка вдруг вспомнила:
– Как ты думаешь, она уже улетела?
– Кто? – удивился я. – Ах да... Всё может быть...

Мы зашли в комнату и увидели,
что бабочка лежит на старом месте.
Теперь уже она ни на что не была похожа.

– Не надо было её ловить, –
сказала девочка и заплакала.

Она плакала и смотрела на свою ладошку,
где и следа не было от пыльцы.

– Но мы же не хотели этого, –
сказал я и тоже посмотрел на свою ладонь.

– Нужно было открыть окно! –
вразбранила девочка и отвернулась от меня.

– Но я же думал, что так будет лучше, –
сказал я виновато.

Девочка промолчала,
а я не знал, что говорить дальше...

Вот что случилось с нами
однажды ранней весной.
С тех пор прошло много лет,
и я уже постарел,
и девочка стала совсем взрослой,
но каждый раз, когда мы видим,
как летают на воле бабочки,
мы молча переглядываемся,
и тайком друг от друга
смотрим на свои руки,
в которых словно оживает
лёгкое прикосновение красной бабочки,
угасшей в наших ладонях,
как пламя свечи на ветру...

Такое лёгкое прикосновение,
а помнится столько лет.

Странно, не правда ли?

А колёса стучат,
а колёса стучат обречённо,
затерялся в ночи,
словно канувший в омут вокзал.

Я стою у окна,
я смотрю на себя отрешённо:
Это он, а не я
нужных слов не нашёл, не сказал.

А колёса стучат,
а колёса стучат все тревожней.
И пустеет душа
от тревожного звона колес.
Это он, а не я,
говорил о делах неотложных,
это он, а не я,
не заметил в глазах твоих слёз.

А колёса стучат,
а колёса бегут безвозвратно.
Ночь косматая и зла,
словно старая ведьма в ступе.
Это он, а не я,
уезжает зачем-то куда-то.

Я вернулся назад.
Я бегу по перрону к тебе.

Письмо

Как жаром с головы до ног окатит,
когда письмо...
Не надо ничего!
И целой ночи, знаю я, не хватит,
чтоб прочитать, как следует, его.
(Проделано всё мною многократно:
вот вскрыл конверт,
вот заглянул в нутро,
текст расщепил,
как расщепляют атом,
чтоб обнаружить истины ядро...)
Пришло письмо.
Косой знакомый почерк.
Слова – как ветром спутана трава.
Я не читал.
Я слушал многоточья –
не сказанные вслух ещё слова.

**Слышу я – невидимые бьют,
вижу я – неслышные идут**

Твоя судьба – моя судьба.
Такое тонкое сплетенье.
Любовь, как ниточка – тропа,
от узнаванья до забвенья.

Всё может статься, может быть,
но только жизнь не обещала,
что будут вечно нас любить,
что можно всё начать сначала.

Не обещала жизнь, увы,
нам исполненья всех желаний.
Любовь в пленах не у любви,
а у разлук и у свиданий.

Такая странная беда,
когда нет горестнее доли
вдруг исцелится навсегда
от этой сладостной неволи.

слушать песню

Несуразица

А я вокруг да около хожу,
хотя давно уже все вышли сроки,
и без того расходятся дороги,
но я ещё их дальше развозжу.

Но я ещё их дальше развозжу,
чтоб все четыре проскользнули мимо,
и вроде сам играю пантомиму,
и в том же зале зрителем сижу.

И в том же зале зрителем сижу,
всё понимая лишь наполовину,
я сам к себе иду опять с повинной,
и сам себя безжалостно сужу.

А я вокруг да около хожу.

Взрослая песенка

Нам с тобою нагадали,
что счастливыми мы будем,
но забыли, но забыли
указать и день и час.

И теперь с тобою вместе
мы на звёзды смотрим ночью,
потому что знаем точно
звёзды думают за нас.

Нам с тобою нагадали,
что счастливыми мы будем,
но забыли, но забыли
научить искать вдвоём.

Запрокинув к небу лица,
убедились мы к рассвету –
ничего там в небе нету,
значит, звёзды не при чём.

Нам с тобою нагадали,
что счастливыми мы будем,
но забыли, но забыли
подсказать – каким путём?

На свиданье приходили,
со свиданья убегали,
и хрустели под ногами
звёзды, смытые дождём.

слушать песню

* * *

В жизни каждому отмерен свой срок:
Кому – в меру, а кому – с ноготок.
Отчего и почему – неизвестно никому,
Знают, может, только дьявол и бог.

Но не спросишь ведь у них ты никак,
Где споткнёшься, а где ступишь не так,
Оттого и потому думать надо самому.
Бог смолчит, а дьявол сам не простак.

Есть судьба и вроде есть к ней билет,
Только карты и дорог к счастью нет.
Как найти тропу к нему, надо думать самому.
Бог смолчит, а дьявол хмыкнет вслед.

Не вернёшься, чтобы снова начать,
Пока думал – и пора завершать.
Жизнь скатилась колесом,
Ты стоишь с пустым лицом
Бог смолчал, а дьявол стал хохотать!

* * *

Протянули друг к другу
мы тонкую нить,
да порвали случайно.
Кого здесь винить,
если вырвалось слово –
булыжником в грудь,
не до смерти ещё,
но и жизни чуть-чуть?

Я таращу глаза,
как карась на песке:
не оборвана нить –
вся как есть в кулаке,
и конец, и начало.
И как не понять?

Я к себе потянул,
ты не стала держать...

Ссора

При ссоре так уж водится –
со слов всё начинается,
кто виноват – не помнится,
кому больней – не знается.

Слова все злые сказаны,
глаза давно погашены
и все узлы развязаны,
и все концы расташены.

Бегут часы неспешные,
сидим, тоской томимые –
такие безутешные,
такие нелюбимые.

Чего ющё, казалось бы?
Спалили все без малости,
лишь головёшки – жалобы
чадят ненужной жалостью.

О, эти ссоры странные,
никем не объяснимые,
прошли – и вновь желанные,
и любим, и любимые.

Горели – ни подпалинки,
судились – не развенчаны,
чего-то там подправили,
чего-то там уменьшили,

чего-то там упрочили –
назад недаром пятимся:
в любви своей, как в роще, мы
от пониманья прячемся.

И видим, и не верится
в простую эту истину,
что роща, как и деревце,
осыпется по листику.

Весну остановил я у ворот –
куда-то шла
с большой охапкой снега.
Но что мне снег? –
Он вовсе не помеха,
куда обидней –
мимо пронесёт.

– Кому несёшь, красавица, свой снег?

– Да никому.
Достался мне в наследство.
Что делать с ним?
Быть может, знаешь место,
где можно спрятать,
добрый человек?

– Отдай его мне.
(Надо угодить! –
Весна давно не делала подарка...)
К груди прижму,
там, у души, не жарко,
и сердце не боюсь я застудить.

– Не пожалей! –
И словно не была,
лишь на прощанье
грустно так взглянула...

И вот стою и плачу –
обманула!
В ладонях пусто,
голова – бела.

Когда-нибудь, когда-нибудь
забыть меня ты не забудь,
забудь, как прошлогодний снег,
как той звезды упавшей след.

Скажу я так – наступит час
когда-нибудь, но не сейчас.

И вот прошло немало лет –
растаял снег, затоптан след.
Совсем иной я выбрал путь,
а всё же хочется взглянуть
на этот след, на этот снег,
которых вроде бы и нет...

Как просто сердце обмануть,
сказав себе: «Когда-нибудь...»

Таишься рядом где-то,
живешь одна, грустя,
приходишь в час рассветный,
в закатный уходя.

Становишься то снегом,
и таешь в свете дня,
то одиноким следом,
бегущим от меня.

Уловишь разве взглядом
хоть капельку тепла,
когда ты вроде рядом
и вроде нет тебя.

Ты не даешь взглянуться,
но знаю я и сам:
увиденное сердцем
почудилось глазам.

Вот дожди шелестят –
словно книгу листали
где-то там, за окном,
прислонившись к стеклу.

Может, осень права:
то, что мы потеряли,
в этом мире уже
не найти никому.

Вот деревья стоят
в неизбывной печали.
Отшумел листопад,
листья в кучи смели.

Может, осень права:
то, что мы не сказали,
не доскажут за нас
все поэты земли.

Вот плывут облака
над землёю уныло,
не нужны, но, увы,
как же можно без них?

Может, осень права:
Чудо было да сплыло
мимо глаз, мимо рук –
и твоих, и моих.

слушать песню

Ах, какие слова
в этой песне без слов!
Для счастливых она – счастливая.

Не кори, что моя молчалива любовь,
ну зачем же тебе – говорливая?

Ты запала в душу
и осталась в ней.
Прошлое не глуше,
но и не больней,

проросло как будто
горькой лебедой.
Кто-то снова спутал
нам тоску с бедой.

Жизнь как пепелище –
стылая зола.
От добра не ищут
ни добра, ни зла.

Ни забыть, ни помнить,
ни отдать, ни взять.
Места нет укромней
узелки вязать,

узелки на память,
пусть смеются, пусть!
Кто не грешен, камень
брось – не уклонюсь!

Не беда – не сбылось,
мне того не жаль.
Счастлив я, что был он,
гибельный пожар,

тот, что всё порушил,
только мне видней:
ты запала в душу
и осталась в ней.

Нет проще истины простой,
но той, что нам досталась с болью:
беда не лечится бедой,
любовь не лечится любовью.

Казалось, не разлить водой
тебя со мной,
меня с тобою.
Я называл любовь бедой,
а ты звала беду – любовью.

Промчались годы чередой,
живём, тому не прекословя:
не заменить беду бедой,
одну любовь – другой любовью.

Не в первый раз
мне сон бредовый снится:
И ты – не ты,
и голос твой – не твой...
Неужто вправду
так могло случиться,
что мы могли
не встретиться с тобой?

Друг перед другом
не в чем повиниться,
беда ли, радость –
всё зовут судьбой...
Не потому ли мне
так часто снится:
и ты – не ты,
и голос твой – не твой.

Пусть ты с другим,
встречашь с ним рассветы,
одна звезда
над вашею тропой...
Могу представить.
Как представить это –
я прохожу,
не узнанный тобой...

Душа не в силах
разорвать оковы,
но счастлив я,
что длится эта боль,
что тот же страх
меня тревожит снова:

**«А мы могли
не встретиться с тобой...»**

За всё плачу.
За всё, что было – разом.
Душой плачу.
И тем, что за душой.
Что суд людской?
Не горше тихой фразы:
**«А мы могли
не встретиться с тобой...»**

Ты живёшь,
придуманная мной,
как часы
за каменной стеной.

Слышу я –
неслышные идут,
вижу я –
невидимые бывают.

Я по ним своих часов
равняю ход,
но бегут они,
бегут они вперёд,

убегают, убегают –
просто жуть!
Не догнать мне ни за что их,
не вернуть.

По твоим придётся, видно,
жить теперь –
возвращаюсь я из осени
в апрель...

Сколько времени
на стрелках на твоих?
Много ли осталось
на двоих?

Слышу я –
невидимые бывают,
вижу я –
неслышные идут.

* * *

Взгляд, улыбка, рук прикосновение –
Что-то там мелькнувшее меж строк,
Эти все забытые мгновения
Время возвращает, как залог.

Нет, ни в чём тут не поможет опыт –
Лишь душа сумеет оценить,
Было ль в жизни что-то, что могло бы
Вдруг судьбу твою переменить?

Стремительно катится дней череда,
с утра и до вечера – сплошь суeta,
и некий поэт сочиняет куплет:
«Уж кончились рельсы,
а станции нет».

А станции нет?
Засыпаю, скорбя,
что ночь отнимает надолго тебя,
ищи не ищи –
никакого следа,
мне снится: с тобою случилась беда.

А станции нет?
Открываю глаза.
Какая в ночи разразилась гроза,
как будто рванули внезапно сукно,
как будто кто выдернул с рамой окно.

А станции нет?
Осветилась, слепя,
вся комната – вся, от окна до тебя,
и словно впервые увидел я вдруг
беспомощность губ твоих, век твоих, рук
и жилки, что билась на нежном виске,
как рыбка на белом горячем песке...

Спасти от беды,
заслонить от тоски?
Но разве закроешь плечами – узки,
и немощны руки...
Не в силах помочь
стою над тобою я целую ночь.

А станции нет?
Стало снова темно,
лишь дождь беспокойно стучится в окно,
мерцает фонарь,
словно старый опал,
мне снилось,
что спал я и вроде не спал.

А утром...
Опять началась суeta,
стремительно катится дней череда,
и снова звучит беспокойный куплет:
«Уж кончились рельсы,
а станции нет».

Такая вот история

Человек шёл к любимой,
чтобы спеть ей песню,
рождённую в сердце,
и радостной была дорога,
и празднично светилась
золотая вода над деревьями.

Лес весело стряхивал с крыльев
дождевые капли.
Молодые деревца оперялись,
как птенцы.
Весна...
Время любви и песен о ней.

Человек шёл и пел свою песню,
и люди улыбались ему:
Радость – как зеркальце,
от неё всегда бегут
в разные стороны
солнечные зайчики.

Вроде всё было как надо –
есть песня,
рождённая любящим сердцем,
человек идёт,
чтобы подарить её любимой,
а длинная и долгая дорога
всё равно да закончится
у заветного крылечка
и свернётся там невидимым
тёплым комочком.

Дойти-то он дошёл,
а любимой не застал.
Её вообще не оказалось в наличии –
другой певец, видимо,
оказался проворнее
и успел спеть ей свою песню.

Пришлось человеку
возвращаться обратно,
хотя желающих послушать его песню
нашлось бы немало.
Не захотел.
Что ж, и так бывает.

Только вот беда –
любимой давно уже нет,
а песня, ей предназначеннная,
в сердце осталась.

И ничем её оттуда не выманить,
ни вытащить.
И нет-нет, да и зазвучит в тишине,
бесполезная,
как кукушка в часах без стрелок:
высунется вдруг ни с того, ни с сего,
покрутится и назад спрячется...

Стрелки, конечно,
на место можно поставить,
а что тогда с кукушкой делать?
Она же мало того,
что высакивать –
куковать будет!
Так и тоскует человек
с песней в сердце,
которую ни спеть нельзя,
ни забыть невозможно.

И выходит,
что весна весне – рознь,
и не всякая дорога
сердце к сердцу ведёт –
иная тропка, хотя и плутает,
а оказывается верней и надёжней.

Но это уже другая история,
а вот что с кукушкой делать,
так никто до сих пор и не знает.
Живёт себе и живёт.

Я возвращаюсь мысленно
назад,
туда, где воздух
шелковист на ощупь,
туда, где входишь
утром в снегопад,
а чудится –
в берёзовую рощу,

туда, где ночь
стоит на берегу,
где небо звёздно,
где луна – подковкой
и так же отражённо
на снегу –
деревья
кружевной татуировкой.

Я возвращаюсь...
Но ступил едва,
как подменили
старые приметы –
берёзы тают,
светится трава,
примятая,
как снегом,
лунным светом.

Никогда ничего у любви
не выпрашивай,
что бы там ни случилось,
ни о чём не расспрашивай,
не вини – в чём виниться ей?
Разве скажет ночь
кому темней?

И не всем открывается, нет,
эта истина,
что бывает любовь
и одна, и единственна,
не кори – не воздастся ей.
Разве скажет боль,
кому больней?

* * *

Уходит всё куда-то безвозвратно,
не оставляя видимых следов,
но, может, есть он где-то, путь обратный,
и даже есть ступеньки у годов.

И знаешь точно – там зола да камни,
тропинки там, заросшие травой –
не разобрать, не разгrestи руками,
и ничего не унести с собой.

Щепотка праха – красота былая,
вот угольки – от той любви и той...
О, как горел ты в тех кострах, сгорая,
вновь загораясь от любви другой...

Всё там осталось.
Ни замков, ни стражи,
здесь всё твоё и вроде бы – ничьё,
но вот же оглянулся ты однажды,
как будто тронул кто-то за плечо.

Теперь уже
я вспомню ли едва
твоё лицо.
Оно как будто стёрлось –
забывчивость всего лишь,
а не робость –
Не отрекаюсь, нет –
ищу слова.

Ищу слова,
а где их взять,
когда
с тобой борюсь,
хотя, видать, без толку.
С руки сведут
наивную наколку,
ты в сердце поселились –
вот беда!

Не вырубить,
не вырезать,
не сжечь...
Слова и те
с намёком на увечья...
Как мстительна природа
человечья!
Любовь ли это?
О любви ли речь?

* * *

А жизнь взяла
и развязала
тот узелок,
что я вязал:
«Мне скучно» –
это ты сказала.
«А я – тоскую!» –
я сказал.

Сказали прямо,
отводя глаза:
бессильна медицина,
и нельзя
рассчитывать на чудо –
дело дней.

Но всё, в несломленной,
восстало в ней:
«Неправда! Нет!
Не верю! Не хочу!»
Как будто кипятком в лицо врачу...
Тот промолчал, страдая.
Тяжек долг
того, который
сделал всё,
что мог...

И вот вдвоём они –
наедине.
Тревожны тени
на глухой стене.
Его рука
в её лежит
руке...
Он уплывает
по чужой реке.

«Открой глаза!
На миг,
моя любовь!»

О, как она его
о том просила!
И, знать, была
в словах
такая сила,
такая вера,
что сквозь мрак
и боль
услышал он,
открыл глаза...

«Мой милый!»

Он улыбнулся.
И ушёл,
счастливый...

Здесь снег лежит на лапах елей,
Как ветер, зацепившись еле,
Шепни – и он сползёт звеня...
Бежит по самой кромке дня
Едва заметная лыжня –
Какой-то очень старый след,
Его уже заносит снегом...
Иду на встречу с человеком,
Которого давно уж нет...
Ждала.
Ушла.
Но здесь осталась
Её замерзшая душа.
К ней подвела лыжня, спеша,
И тут же сразу затерялась.

слушать песню

Опять в лесу
заметены дорожки,
в снегу деревья –
не видать ветвей,
и дом не дом –
изба на курьих ножках,
в которой нет
ни окон,
ни дверей.

Нет никого
за тыщу вёрст в округе,
следы и те
присыпаны снежком,
и вот уже
рассказывают руки
о том,
что в сердце
под двойным замком.

О, говорливы руки
и лукавы,
всё угадав,
молчат лишь об одном,
что нет спасенья
от хмельной отравы,
когда её,
отраву,
пьют вдвоём.

И в этом опьянении
мгновенном –
не всё ль равно –
спасут иль не спасут?
Она два сердца,
словно две Вселенных,
сольёт в одно
и снова
разольёт.

И отстраняется –
будто непорочны,
ни лжинки не найдёшь
ни в нас, ни в них...
И в тишине вдруг
ведьма захочет,
метлу свою
на землю
уронив.

На полустанке

Приходят поезда –
зачем они приходят?
Уходят поезда –
куда они идут?

Толпятся дерева
здесь при любой погоде –
кого-то провожают,
кого-то, может, ждут.

Не ближе подойти,
не отойти подальше,
и если уж бежать,
так только – в высоту.

Но нет в стоянья их
ни вызова, ни фальши –
положено стоять
стоят себе, растут.

Нет зависти у них
И нет у них корысти,
и, может, ночью лишь
тайно строги,

да только раз в году
теряют разом листья,
как прячут под полы
ненужные платки.

И катят поезда
по избранной дорожке,

проходят – просто так,
уходят – по делам.

Здесь остаётся гул –
как спрыгнул вдруг с подножки...

Я видел, как он спал,
прижавшись к деревам.

И ночь как ночь,
И думы все простые
О том, что было,
И о том, что есть...

Пусть нам простят –
мы вовсе не святые,
по крайней мере,
не святые здесь,
на свете этом.

И живём, и топчем
свои дороги,
что лежат окрест,
и падаем,
и вновь встаём,
и ропщем,
и крест несём,
какой-то странный
крест –

то тяжек он,
то, как пушинка, лёгок,
то словно нет
и не было его...
куда несём,
зачем
и как далёко,
и почему
зависим от него?

У жизни нет
готового ответа.

Искали все,
не все нашли ответ.
Но знаю я,
что искрами рассвета
зажжён и этот
мой закатный
свет,
который ближе всё,
неотвратимей –
тревожно разгорается,
багров,
как будто
весь –
в последней хворостине,
что догорает
на углях костров.

Подумалось...
к чему бы?
Ведь простые
все думы о минувшем.
Таёт тень,
и, занимая
комнаты пустые,
в дом входит день.

О, как прекрасен день!

Самопародия

Как должно жить
и как не надо,
жизнь знала лучше,
в корень зря,
вела поэта
вдоль ограды
из в землю вкопанных
«нельзя».

А он хотел быть
с ней на равных,
поскольку знал,
что предпочтёт
он надоевшим
спускам плавным
стремительный,
как выстрел,
взлёт.

И вот,
готовясь в одночасье
сгореть,
оставив след в ночи,
он написал стихи
о счастье
быть тихим пламенем
свечи...

Мне большего не надо

А мне от жизни в общем
надо мало:
Хочу, чтоб солнце
над землёй вставало
И чтоб луна.
А как же без луны?
Весенних громов,
снежной тишины.
В полнеба звёзд –
мне хватит, я не жадный.
Чтоб ветерок,
когда жара,
прохладный.

Цветов побольше,
только чтоб – на воле.
Чтобы друзья
сходились на застолье.

Чтобы земля моя
плодоносила.
Чтоб досыта она
людей кормила.

Чтоб слёз не знали
старики и дети.
Чтоб не стреляли больше
на планете.
Чтоб ты была всегда,
моя отрада.

Всего и только.
Большего не надо.

Всего и только.
Вот такая малость,
А без неё и радость мне
не в радость.

Бессмертья не прошу.
Оно мне ни к чему:
Что делать мне
средь смертных
одному?

В нас детство бродит
незабытым сном –
знакомым, но расплывшимся
пятном,
и разглядишь какие-то детали –
неужто так и было?
Нет, едва ли...

Прозрачным отгорожено стеклом,
так утро проступает за окном.
Мы на него привычно обернёмся,
потом опять к своим делам
вернёмся,
и так всю жизнь свою,
так – день за днём.

Нет, не лукавим мы,
нет, не забыли!
Всё в нас живет –
и небыли, и были,
как нитки, перепутаны в клубке...
Но из сегодняшней,
из нашей дали,
что и увидишь,
различишь едва ли –
потянешь нитку –
весь клубок в руке.

Из поэмы «Звезда на снегу»

Томление

Мне многое надо,
мне многоного хочется,
И, сбросив с себя,
как пиджак,
одиночество,
по тёплым аллеям
знакомого сада
пойду я туда,
где темнеет ограда,
на место укромное,
к детской площадке,
где дети возводят
песчаные замки,
чтоб там посидеть
на нагретой скамейке,
увидеть, как тень
извивается змейкой,
как кто-то на дольки
кроит апельсин
и, жмурясь на солнце,
грустит без причин...

«Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать»

Борис Пастернак

Нет, не пустые сожаленья
нас оборачивают вспять,
я от победы пораженья
хотел бы всё же отличать.

Прости меня за небреженье
к твоей строке, прости, поэт,
твои, возможно, пораженья
достойнее моих побед.

Быть может, так, кто скажет точно?
Но знаю я – прозренья миг
порою стоит всех пророчеств
наимудрейших в мире книг.

Пока же радости и беды
мне не дано в одно смешать,
я пораженья и победы
учусь, как школьник, различать,

учусь сочувствовать, тем паче,
чужая боль тогда лишь жжёт,
когда покинет вдруг удача
или беда подстережёт.

О, нас не красят откровенья!
Куда бы проще так сказать,
что я чужие пораженья
умел своими называть,

что просыпался среди ночи
из-за бессонниц всех чужих...

Ты правды не ищи меж строчек,
вся правда в строчках.
Только в них.

Пишу о том не от лукавства.
Совсем иным здесь мнится стих:
вот наша жизнь – одно пространство
и время вот – от сих до сих.

Когда прозрею – днем ли, ночью,
гадать не стану. Не с руки.
Предпочитаю многоточье
в конце запнувшейся строки...

**Сны былью становятся,
быль растворяется в снах...**

РАЗЛУКА

Поэма

*Мы не огибаем, мы только проходим.
Нам кажется – мы проходим, но мы
подошли к концу.*

*Свернулись просторы грядущего,
которые расстипало вокруг себя сердце.*

Рене Шар

1

**...И вот когда он поднялся с земли
и увидел, что крылья его сломаны,
он понял – больше ему не летать.**

**Крылья лежали в стороне.
Они были как чужие.**

Но если болело – значит, свои?

**Небо тоже казалось чужим.
Оно висело над ним –
высокое и равнодушное.**

**Но если он его видел и чувствовал,
значит, оно было ещё с ним?**

И разве это не одно и то же?
Что небо – без крыльев?
Что крылья – без неба?
И что такая жизнь –
без неё?

...она ушла и исчезла,
словно её никогда и не было.
Но в воздухе плавали слова –
пустые, как мыльные пузыри.
Сквозь них просвечивало солнце.

...Он ткнул пальцем в один из них –
пузырь лопнул с тихим звоном,
а в воздухе образовалась дырка,
через которую виднелось будущее.

Будущее было ужасным:
там
ничего
не было...

(Когда он был совсем маленьким,
он спрашивал:
«Можно ли нарисовать пустоту?»
Взрослые пожимали плечами
и говорили с усмешкой:
«Пустота – это когда ничего нет.
Вот, например, как эта белая стена.
Видишь, она совсем пустая».

«Да? – удивлялся он, – но она же белая!
Значит, пустота – это что-то белое?»
Взрослые весело смеялись.
«Конечно, нет, – говорили они. –

Посмотри ночью в окно и увидишь,
что оно такое тёмное, как будто там
ничего нет».

«Значит, – не соглашался он упрямо, –
пустота – это когда темно?
Но я же вижу это тёмное,
и, значит, пустоту можно нарисовать?

Взрослые сердились –
«такой бесполковый мальчик!»)

Теперь он знал, что такое пустота.
Он мог бы даже нарисовать ее.
Он нарисовал бы мыльный пузырь,
сквозь который
просвечивает солнце.

Или сделал бы ещё лучше:
выдул бы через соломинку
радужный пузырь
и ткнул бы в него пальцем.
Палец сразу же
стал бы мокрым,
а в том месте,
где только что был шар,
образовалась бы
дырка в будущее.

Вот что такое пустота:
это будущее,
которое видится через дырку,
возникшую на месте
лопнувшего мыльного
пузыря!

Человек уходит,
а слова, сказанные им, остаются.
Они плавают в воздухе,
как мыльные пузыри.

Но стоит ли их все разрушать?
Хватит и одной дырки,
чтобы увидеть через неё что-то.
Пусть летают себе,
ведь сквозь них
просвечивает солнце,
которое одно на всех.

...Когда она уходила от меня
по длинному светлому коридору,
что-то должно было произойти.
Небо – померкнуть.
Моторы – заглохнуть.
Милиционер – перестать зевать.
Табло – погаснуть.
Жизнь – остановиться.
Вселенная рухнуть...

Ничего не произошло.

Уходил,
не оглядываясь, человек.
Другой смотрел ему вслед.

Два человека расставались
навсегда,
и ничего? И ничего.
Небо не рухнуло.
Милиционер зевнул в третий раз.
Табло исправно горело.

Жизнь продолжалась.
Вселенная мерцала.

Нас поделило время.
Ей досталось будущее:
там, куда она улетела,
солнце вставало
на много часов раньше.

Прошлое оставалось со мной.

2

...лежу на берегу,
выброшенный волной
на песок.

Небо начинается
у самых глаз.
Путь к тебе преграждают
песчинки –
им ещё предстоит стать
эверестами.

Сколько тысячелетий
до нашей эры?

Один...
Лежу, задыхаясь и слушая,
как растут мои пальцы...

...ползу, толкая перед собой небо.
Дышу сердцем –

жабры, высушенные ветром,
бренчат, как жалюзи.

Будущее отодвигается,
как мираж.
Что-то с грохотом
осыпается за спиной.
Боже,
неужели я уронил Эверест?

...так куда же теперь?
Может быть, вниз?
Надо только вовремя
остановиться,
чтобы не выпасть
с другой стороны...

Как ничтожно мала планета,
доставшаяся мне!
И зачем мне одному
столько неба
если все звёзды
светят другим?

...ползаю по кругу.
Кричу.
Но голос мой падает рядом,
как камень,
подброшенный к потолку.

...смотрю снизу
на пшеничное поле,
солнечно просвещивающееся
сквозь пласт.
Как стремительно

прорастает зерно,
забывая свое длинное
золотистое тело!

Тяну к нему руки,
испачканные облаками...

Пальцы пахнут будущим,
которое уже прошло...

3

«Мелкий дождь веселит листву
и проходит, не называясь».

Так сказал поэт.
Ему было грустно,
и потому
он мне сегодня – брат.

Я его понимаю.
Он увидел в мелком дожде то,
что я увидел
в коридоре аэропокзала.

Не грусти, дорогой Рене Шар:
дело не в дожде вовсе,
а в листве.

Переполнен тобой до краёв,
и надо мною – ты,
и вокруг – ты...
А может, ты – это уже я?

А может, любовь – это тогда,
когда нельзя различить,
где – один и где – другой?

Просто есть я,
ставший тобой,
или ты,
ставшая мной.

И радость, и горечь
не смешаны, нет!
Несу я в себе этот груз
на одном расстоянье от сердца.
Боюсь – не пролить бы,
ведь могут смеяться
вдруг капли.
Я каждую помню
на вкус и на цвет.

4

С планетой что-то происходит.
Планету, возможно, подменили.
Или я случайно попал в другую эпоху?

Неужели этот сквер – тот же?
И эти люди – влюблённые?
Им же нечего сказать друг другу.
Они же умирают в объятиях от скуки,
несчастные!

К тому,
что теряюсь во времени

и пространстве,
привыкаю постепенно.

Смотрю жизни вслед
долгим сожалеющим взглядом,
и снова возвращаюсь
к своему,
уже на ощупь
знакомому горизонту.

Завтра, возможно,
я выпрошу у неё
маленькую надежду
и приделаю к ней
большие крылья.

Лететь нельзя,
но можно хлопать ими,
разгоняя набегающие облачка
из будущего.

5

Кто сказал, что ждать –
трудно?
Надо только суметь
забыть о часах
и научиться
пересчитывать секунды.

Это очень сложно,
но все дело только в этом.
Я – научился.

Хочешь, я скажу тебе,
сколько прошло секунд
с того мгновения,
когда видел тебя
в последний раз?

Когда ты вернёшься,
время не остановится.
Оно просто станет
часами со стрелками.

Кто сказал,
что воспоминания – медяки,
которыми мы расплачиваемся
за свое прошлое?
Придёт время,
когда
они не будут
иметь цены.

Давай доживём до этого дня.

Подменённая планета
не радует,
Но она – живёт!

Новая эпоха сохранила
дурные привычки:
Письма не приходят,
Телефон не звонит,
Романтики кутаются
в тёплые шарфы,
реалисты купаются
в прорубях.
Жизнь – продолжается.

6

Итак, новая весна.
А у тебя?
Почему она началась здесь?
Ведь если солнце идёт оттуда, где ты,
то почему же весна – наоборот?

7

Вечность – это время, которое нужно,
чтобы дождаться твоего письма.
Я – подожду.
Многое успеет забыться,
и всё-таки что-то останется.
И то, что останется,
будет правдой.

Я согласен на вычитание –
пусть из меня вычтут тебя.
Останутся стихи,
которые о тебе.
И наоборот.
Так что я все равно
ничего не теряю.
Как бы ни вычитали,
ты останешься со мной.

Когда в окне загорится
одинокая звезда,
обманутая расстоянием,
когда дальние деревья
растают в синем полумраке,

когда смоет ветром со стекол
прилипчивую дневную пыль,
когда смолкнут
быстрые одинокие шаги
за окном,
когда я, наконец,
подумаю о себе,
как о другом,
наступит будущее.
И я увижу,
что в нём есть ты,
но нет меня.

И это будет будущее,
которое уже прошло.

8

И вот,
когда человек поднялся с земли
и увидел,
что крылья его сломаны,
он стряхнул с себя пыль
оглянулся вокруг и зажмурился:
небо – чистое и высокое –
смотрело ему
прямо в глаза.
И ему отчаянно захотелось
взлететь.
Он почувствовал вдруг,
как на спине,
распирая кожу,
уже набухают новые крылья,

и задрожали в нетерпении руки –
взмахнуть бы,
оттолкнуться ногами от земли
и туда – вверх!
Сквозь мыльные пузыри,
к другому небу,
где должно быть
другое солнце,
и тоже – одно на всех,
но каждому и там
светит по-своему.

И пусть люди
показывают на него пальцем –
опять летит, чудак!
Летит потому,
что у него – крылья.
Или:
потому у него крылья,
что он летает.
Потому, что иначе
он не умеет.

Потому что,
когда ему ломают крылья,
он их не чинит.
Он их отбрасывает.
Он знает,
что у него обязательно
вырастут новые.

Когда они перестанут расти,
его уже не будет.
Пока он есть,
они растут всегда.

Такой это счастливый человек,
о котором говорят,
что он – чудак.
И если человек
может
нарисовать пустоту,
разве он не заслуживает того,
чтобы его выслушали?
Тем более,
что ему ничего особенного не надо.
Он просто хочет, чтобы его поняли.
Особенно те, которые всегда правы.

Может быть, не стоит шептать?
Может быть, надо однажды
закричать?
Но кто же услышит этот крик,
если никто не рассыпал
его шёпота?

Пусть все так и думают,
что он – чудак,
который однажды сумел
заглянуть в дырку,
оставшуюся на месте
лопнувшего
мыльного
пузыря,
и понял, что такое –
пустота,
а главное –
научился её рисовать.

Пусть они думают так,
пусть...

Я не хочу им плохого.
Но как часто люди
уходят друг от друга,
а в воздухе остаются
плавать слова –
пустые, как мыльные пузыри.

Грустно,
что мы этого не понимаем,
или делаем вид,
что нам – всё равно.

Это только кажется,
что слова ничего не стоят.
Что они исчезают совсем.
Они остаются с нами и в нас,
и мы постоянно
о них спотыкаемся.

Но чтобы это понять,
надо знать, что такое пустота.
Это – кладбище
отзвучавших слов.

9

Там, где ты сейчас,
солнце всходит и заходит
на много часов раньше,
и когда ты спишь,
я уже забываю,
что видел во сне.

Расходящееся время,
Несходящиеся сны...

Можно нарисовать такую картину:
люди бегут
навстречу друг другу,
но всегда
пробегают мимо,
потому что бегут они
в разное время.

Но разве это важно?
Важно, что всё-таки бегут.
И не куда-нибудь,
а навстречу друг другу.

Не так ли?..

*Давай всегда больше, чем
можешь забрать. И забудь.
Таков заповедный путь.*

Рене Шар

Постскриптуm

На стихи этой книги в разные годы писали музыку многие композиторы и исполнители: Александр Третьяков, Евгений Ростовский, Алексей Мажуков, Анатолий Миронов, Тимур Валеев, Чингиз Анвер Оглы Алмасзаде, Сергей Режский, Сергей Ермаков, Петр Кайгородов, Роберт Газизов, Сергей Зубковский, Александр Урабов, Аркадий Хаславский, Анатолий Лысков, Игорь Киппен, Владимир Шорхов, Игорь Ранин (Шевченко), Павел Москаленко, Юрий Назаров и др.

С некоторыми из них я сотрудничал продолжительное время – с Сашей Третьяковым, например, более 30 лет (!), о ком-то узнавал спустя многие годы. Так, совсем недавно мы познакомились, пока заочно, с Игорем Раниным (Шевченко).

«Есть в жизни события, которые невозможно объяснить с точки зрения здравой логики. К таким событиям относится судьба этой песни («Опять в лесу»), – пишет он в своём письме. – Написанная в студенческие годы, лет 35 назад, прожив целую эпоху, песня встретила своего автора, а автор музыки познакомился со своим любимым поэтом... Трудно сказать, сколько людей услышало её».

Для этой книги вместе со своим другом-музыкантом Александром Храповым они обновили и «старую» песню, и написали замечательную новую «Луна к стеклу прильнула белой птицей».

В 1983 году песня «Помолчим» А. Третьякова в исполнении Эдиты Пьехи стала лауреатом ежегодного телевизионного фестиваля «Песня года». Это были единственные стихи, написанные мною специально для известной иуважаемой артистки.

В 1986 году фирма «Мелодия» выпустила виниловый диск-гигант «Заповедная страна» с песнями, написанными Александром Третьяковым и Евгением Ростовским на мои стихи.

Представляя пластинку будущим слушателям, композитор Никита Богословский особо подчеркнул: «...Характерно, что поэт никогда с песенным жанром ранее по своей инициативе не соприкасался, стихи для звучащих на этой пластинке песен были замечены и выбраны ленинградскими композиторами А. Третьяковым и Е. Ростовским непосредственно из поэтических сборников Поройкова. Таким образом, слово в этих песнях не является подтекстовой на готовую музыку, как часто случается, а звучит с ней на равных правах, друг друга обогащая».

С выходом пластинки, собственно, и началась наша совместная творческая работа с молодым композитором, благодаря которой я и оказался в ряду поэтов-песенников, хотя, по сути, им не был.

Песни на стихи из этой книги исполнялись Эдитой Пьехой, Михаилом Боярским, Ларисой Долиной, Екатериной Семёновой, Анне Веске, Павлом Смеяном, Ольгой Зарубиной, Алексеем Глызином, Владимиром Пресняковым, Инной Бедных и другими. В настоящее время две песни – в репертуаре легендарного ВИА «Поющие гитары».

Всех искренне благодарю за оказанное внимание и сотворчество!

Юрий Поройков

Содержание

<i>От автора</i>	5
------------------------	---

Стихи-воспоминания

Не в том, конечно, суть, не в том	11
Я пришёл к мудрецу	13
Да, о любви всё сказано, увы	14
Так случилось, что в электричке	15
Он любил её, когда был мальчиком	16
Не помню многоного	17
Был я молод	18
Им, нашедшим друг друга	19
О счастливом человеке	20
Канарейка	21
Пожаловался богу на судьбу	22
Тайное желание	23
На ней сошёлся клином свет, на ней	24
А, может быть, я вправду виноват*	25
Ты рядом	26
Какие в нашем мире чудеса	27
С twoих берегов не доносятся вести	28
Любимая уходит	29
Гороскоп	30
Зачем вспоминать то, что было	31
Я говорю: освоен материк	33
Луна к стеклу прильнула белой птицей*	34
Мы побывали в сказке той	35
Утренняя песенка	36
А я брошу по улицам*	37
Ты первая сказала – мы не те	38
О, зверь когтистый	39
Однажды в Доме отдыха	40
Есть заповедная страна	42
Загадай желанье сокровенное*	43
Ожидание	44
Помолчим*	45
Всё по-прежнему*	46
Ландыш	47
О маме*	49
Где верх, где низ?	50
Мадонна	51

Маленький ключик от рая

Элегическое	55
За кустами двое тихо целовались	58
Aх, слова, до чего ж легки!	59
Вдруг день померк	60
Что из того, что было	61
Ну, вот и всё	62
Читая Экзюпери	63
Зачем нужны нам сказки	65
Испанский этюд	66
Уже всё было	67
Что ни день, то беда	68
И ничего ещё не сказано	70
Я устал*	71
Ты летаешь, тебе дано	73
Обещана мне жизнь совсем другая	74
Дорога, тропка, старая лыжня	75
Вот окна – прозрачны	76
Уже не вернуться	77
Что и взять с любви	78
А в общем, простое, обычное, в общем-то, дело	79
И ты поверил в то, что не успел?	81
К дождю ли, к снегу эти облака	82
Шутливое	83
Словно создана для показа!	85
Утром вижу – был ночью снег	87
Метель	88
Настроение	89
А что кончается, то кончится	90
Забудь обо всём*	91
Откровение	92
Бабочка	94
А колеса стучат	97
Письмо	98

Слышу я – невидимые бьют, вижу я – неслышные идут

Твоя судьба – моя судьба*	101
Несуразица	102
Взрослая песенка*	103

В жизни каждому отмерен свой срок	104
Протянули друг к другу мы тонкую нить	105
Скора	106
Весну остановил я у ворот	108
Когда-нибудь	109
Таишься рядом где-то	110
Вот дожди шелестят*	111
Ах, какие слова	112
Ты запала в душу	113
Нет проще истины простой	114
Не в первый раз мне сон бредовый снится	115
Ты живёшь, придуманная мной	117
Взгляд, улыбка, рук прикосновение	118
Стремительно катится дней череда	119
Такая вот история	121
Я возвращаюсь мысленно назад	124
Никогда ничего у любви не выпрашивай	125
Уходит всё куда-то безвозвратно	126
Теперь уже я вспомню ли едва	127
А жизнь взяла и развязала	128
Сказали прямо, отводя глаза	129
Здесь снег лежит на лапах елей*	131
Опять в лесу	132
На полустанке	134
И ночь как ночь	136
Самопародия	138
Мне большого не надо	139
В нас детство бродит	141
Томление	142
Нет, не пустые сожаленья	143
 Сны былью становятся, быль растворяется в снах...	
 Разлука. Поэма	147
 Постскриптум	163

* – можно послушать песню, используя цифровой QR-код, расположенный под стихотворением

Что такое QR-код и как им пользоваться

QR-код (англ. quick response – быстрый отклик) – матричный код (двумерный штрихкод), разработанный и представленный японской компанией Denso-Wave, позволяет зашифровать в картинке определенную информацию, которую потом можно расшифровать с помощью различных приложений. Практически любой современный смартфон может понять QR-код посредством встроенной или устанавливаемой программы. Для того, чтобы можно было пользоваться QR-кодом, нужно установить на ваш смартфон или планшет специальное приложение, которое понимает структуру кода и может расшифровать его.

Наиболее распространенные программы (Apps), позволяющие распознавать QR-коды:

Apple iPhone: QR Reader for iPhone, Bakodo, AT&T CodeScanner

Android: Google Goggles, QuickMark, Barcode Scanner, QR Droid, NeoReader

Windows Mobile: QuickMark, I-Nigma

Инструкция пользования QR-кодом проста и состоит из трех шагов:

- Запустите на телефоне программу для считывания QR-кодов.
- Наведите камеру телефона на код.
- Нажмите кнопку (какую именно, зависит от программы), подтверждающую открытие страницы в браузере.

Юрий Поройков

Ничего или всё!

2016

Издательство: ISIA Media Verlag UG,
Leipzig, Germany

Обложка, верстка: Orden Company s. r. o., Praha, И. Барабаш

В книге использовано фото: Bloomua/Shutterstock.com

ISBN 9783000535598

9 783000 535598

Память тенью
по ступеням
дней и ночей

Ходит рядом,
ловит взглядом –
помни!

Память камнем
в вечность канет,
станет ничьей.

Наше время –
лишь мгновенье –
знай!

Я пришёл к мудрецу

И спросил у него:

– Что такое любовь? –

Он сказал:

– Ничего.

– Как же так?

Ведь написано множество

книг.

Вечность – пишут одни,

А другие – лишь миг.

То огнём опалит,

То растает, как снег...

Что такое любовь?

– Это всё, человек.

И тогда я взглянул ему

Прямо в лицо:

– Как тебя мне понять –

Ничего или всё?

Он сказал, усмехнувшись:

– Всё тот же ответ:

Ничего или всё.

Середины тут нет.

Юрий Поройков

**Память тенью
по ступеням
дней и ночей**

**Ходит рядом,
ловит взглядом –
помни!**

**Память камнем
в вечность канет,
станет ничьей.**

**Наше время –
лишь мгновенье –
зной!**

ISBN 9783000535598

9 783000 535598